

Сказочный репертуар заонежанки П. Н. Коренной в изданиях П. О. Коренного и И. В. Карнауховой

Анастасия Сергеевна Лызлова

(Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук: Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11)

Аннотация. В первой четверти XX столетия в Петрозаводске появился первый самостоятельный сборник сказок, посвященный заонежской фольклорной традиции. «Заонежские сказки» были изданы при участии учителя П. О. Коренного. Основу сборника составляют тексты, записанные от П. Н. Коренной — матери составителя. Какая-либо информация об этом в самом издании отсутствует, но прямым доказательством оказываются сказки, записанные от исполнительницы в 1926 г. фольклористом И. В. Карнауховой, опубликовавшей их в сборнике «Сказки и предания Северного края» в 1934 г. К одиннадцати текстам, собранным несколькими годами позже после выхода сборника «Заонежские сказки», удалось найти соответствия. Слишком критическая позиция И. В. Карнауховой в отношении книги П. О. Коренного может быть скорректирована: сборник, опубликованный в 1918 г., все же имеет определенную научную ценность, поскольку практически посвящен репертуару одной исполнительницы, в котором представлены преимущественно кумулятивные сказки, ориентированные на детскую аудиторию. В статье впервые предпринимается текстологическое сопоставление вариантов из двух сборников, демонстрирующих пример повторных записей, сделанных от одного носителя фольклорной традиции.

Ключевые слова: Заонежье, фольклорные сказки, П. Н. Коренная, П. О. Коренной, И. В. Карнаухова, повторная запись.

Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (регистрационный № темы 124022000077-1).

Дата поступления статьи: 23 мая 2025 г.

Дата публикации: 25 сентября 2025 г.

Для цитирования: Лызлова А. С. Сказочный репертуар заонежанки П. Н. Коренной в изданиях П. О. Коренного и И. В. Карнауховой // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 3. С. 71–85.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.3.009>

1918 год оказался чрезвычайно значимым для современной Карелии, когда был издан первый сборник сказок, подготовку которого осуществил учитель, краевед, публицист, корреспондент «Олонецких губернских ведомостей» П. О. Коренной. Он называется «Заонежские сказки» и включает в себя пятнадцать текстов, в большинстве своем принадлежащих к волшебным и кумулятивным сказкам о животных: «Глиняный парень», «Лиса и волк», «Сказка про петуха и курицу», «Сказка про бабу и бычка», «Сказка про старика и волка», «Потомбалка», «Две кумушки», «Два брата — покойники», «Катя», «Сказка про двух братьев», «Мороз», «Сказка про старикову дочку, бабину дочку и мышку», «Сказка про черта и трех девочек», «Иван Царевич и Волк-Людоед», «Сказка про солдата и царскую дочь». Книга открывается небольшим (на полторы страницы) вступлением, озаглавленным «Введение к сказкам», где составитель сообщает: «Предлагаемые сказки собраны мною в Заонежье, которое издавна и по справедливости считается хранителем народной старинной поэзии. Записаны они, главным образом, в с. Космозере, Великогубской волости, и в дер. Северной, Толвуйской волости, Петрозаводского уезда» [Коренной 1918, 3], но имена исполнителей не называются. При этом П. О. Коренной подчеркивает знакомство с местной сказочной традицией с раннего возраста и отмечает, что тексты были подвергнуты определенной правке: «Мне, выросшему в среде крестьянского населения Заонежья, в детстве приходилось слушать и рассказывать многие из этих сказок, и язык их мне родной и близко-знакомый. Некоторые из сказок записаны почти дословно со слов рассказчиков, другие написаны языком хотя и народным, но несколько обработанным, так как народный язык зачастую страдает неправильностями и неточностью. Во всяком случае, язык сказок близок к языку народному, — наиболее характерные выражения сохранены, а речи действующих лиц записаны почти так, как передают рассказчики. Исправ-

лены только грамматические неточности языка сказочного» [Там же]. Составитель излагает свой подход к отбору включения тех или иных текстов в сборник: «Может быть, некоторые из сказок и были кем-либо когда-либо записаны и напечатаны, но варианты сказок, в зависимости от места собирания и личности рассказчика, многочисленны и разнообразны, так что, во всяком случае, в предлагаемых сказках будет немало нового. Хотя варианты некоторых сказок, напр<имер>: “Мороз”, “Старик и волк”, многим известны, но считаю позволительным поместить их, так как в них есть немало оригинального» [Там же].

Во вступлении П. О. Коренной указывает на некоторые особенности постановки ударения заонежанами: «Считаю нелишним выяснить, что ударения в словах ставятся в народной заонежской речи весьма произвольно и, чаще всего, на первом слоге слова. Для сохранения рифмы ударение может падать на любой слог слова» [Там же, 4]. Составитель, в частности, дает сведения о «неправильностях языка, которые чаще всего приходилось исправлять: в выговоре заонежан творительный падеж множеств<енного> ч<исла> им<ен> существительных имеет окончание *мы* — рукамы, лисицамы, камнями, а твор<ительный> п<адеж> им<ен> прилагательных оканчивается на *ма* — зеленыма, деревянныма, бабушкиныма и т. д. Звук *л*, не слитный с гласным, слышится как *у* (краткое), напр<имер>: воук, пошеу, сеу и др. Вместо *е* в дательн<ом> и предлож<ном> падежах им<ен> существительных слышится *и*, напр<имер>: о земли, на камни, или *ы*, напр<имер>: на сосны, на осины, на березы и т. д. [Там же].

Иной научный аппарат, кроме краткого вступления, в издании отсутствует, но некоторые сказки сопровождаются пояснениями малопонятных слов и выражений, оформленными в виде примечаний к тому или иному тексту. Об этом также содержится информация во вводной части.

Сборник, как было отмечено ранее, включает в себя пятнадцать текстов, их большая часть была сообщена матерью

П. О. Коренного — Пелагеей Никифоровной. Подтверждением этому служат слова фольклориста И. В. Карнауховой, встретившейся с исполнительницей в рамках экспедиции Государственного института истории искусств (ГИИИ) летом 1926 г.: «Сказки П. Н. Коренной, записанные ее сыном, <...>, настолько подвергнуты литературной обработке, что записи потеряли большую часть своей ценности» [Карнаухова 1927, 111]; «Сказки Коренной частично были изданы ее сыном П. П. Коренным¹ («Заонежские сказки». Петрозаводск, 1918), но, к сожалению, это были неточные записи и без сохранения особенностей местного говора, так что издание это не имеет научной ценности» [Карнаухова 2006, 400]. Независимо от изложенной критической оценки сборника книга П. О. Коренного заслуживает того, чтобы считаться важным явлением: она, во-первых, отражает локальную заонежскую сказочную традицию и, во-вторых, отчасти посвящена репертуару одного исполнителя (т. е., по сути, является почти индивидуальным сборником).

Сама И. В. Карнаухова издала тексты, записанные от П. Н. Коренной, в сборнике «Сказки и предания Северного края» в 1934 г. (№ 20–31). В книге имеется подробная характеристика сказочницы, специфики ее репертуара, ориентированного на детскую аудиторию, который состоит, «главным образом, из сказок о животных (почти совсем исчезнувших в Заонежье) и вообще, так называемых, “дитячих” сказок (“Глиняный парень”, “Морозко” и т. д.)» [Там же, 399]. См. полную версию характеристики: [Там же, 399–402; Курец 2008, 125–126].

Еще раньше в статье, посвященной сказкам и сказочникам в Заонежье, написанной собирателем по итогам экспедиции и опубликованной в 1927 г., дается словесный портрет П. Н. Коренной — она «высокая, подвижная, моложавая, несмотря на свои 60 лет, женщина» [Карнаухова 1927, 109]. В фондах музея-заповедника

«Кижы» имеется фото 1920-х гг., где запечатлены П. О. и П. Н. Коренные у своего дома в Космозеро².

В статье И. В. Карнауховой содержатся краткие сведения о месте рождения исполнительницы, анализируется ее разножанровый репертуар, упоминаются условия жизни, констатируется чрезвычайная активность П. Н. Коренной, проявляющаяся как в характере, так и в манере сказывания [Карнаухова 1927, 109]. Творчество П. Н. Коренной было по достоинству оценено участниками экспедиции: «По выразительности и живости исполнения мы не встречали сказочника, стоявшего на равной высоте с нею. Несмотря на быстрый говор, она слегка растягивает гласные, поэтому речь ее легка, звучна и своеобразно певуча. Репертуар ее оказался особенно интересным для нас, так как он почти весь состоял из старых сказок о животных, которые больше нигде по всему Шуньгскому полуострову мы не встретили» [Там же, 110].

¹ Инициалы указаны неверно.

² Фото размещено на сайте Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижы». URL: <https://site.kizhi.karelia.ru/collection/photo/31> (дата обращения: 19.04.2025).

И. В. Карнаухова приводит почти полностью текст кумулятивной сказки о петухе и курице, где представлена контаминация трех сюжетных типов: СУС 20С *Звери бегут от кончины мира (войны)*,

СУС 20А *Звери в яме* и СУС 21 *Пожирание собственных внутренностей*. При дальнейшей публикации в сборнике фольклорист внесла некоторые изменения в написание отдельных слов, ср.:

«Петун и курица» (1927) Жиу быу петун и с им кúра. Вышла раз кура, и тута град пошол. Испугалась кúра, прибежала в избу и кричит: «Петун, беда, паны наехали, штреляют-паляют, нас убивают. Бежим, Петун!» [Карнаухова 1927, 110].	«Петух и курица» (1934) Жили-были петух и кура. Вышла кура из избы, а тут град пошел. Испугалась кура и кричит: — Петун, беда, паны наехали, штреляют, паляют, нас убивают. Бёжим, пётун! [Карнаухова 2006, 69].
--	---

Собиратель посчитала нужным исправить «воук» / «Воук-воучушно» на «волк» / «Волк-волчúшно». Дialeктная форма «петун» в публикации 1934 г. сохранена практически во всей сказке (кроме названия — «Петух и курица» — и первого предложения). Изменения, возможно, обусловлены тем, что с момента записи до момента издания прошло несколько лет. По замечанию И. В. Карнауховой, данный текст П. Н. Коренной — «это прекрасный образец кумулятивной сказки, переданный при этом очень тщательно, без всяких выпусков, со всеми многочисленными повторениями» [Карнаухова 1927, 110–111]; «лучший из известных вариантов. Особенно хороша песня про имена» [Карнаухова 2006, 401].

«Сказка про петуха и курицу» представлена и у П. О. Коренного, где сохране-

на сюжетная контаминация, а начало отличается бóльшей художественностью: «Жили-были в лесной избушке петух и курица. Пошла раз курица сени пахать, стала мести ступени, а на ту пору град выпал. Испугалась курица, прибежала в избу и кричит: “Петух, беда, — паны наехали, стреляют, паляют, нас убивают. Побежим, петух!”» [Коренной 1918, 9]. Примечательно, что в той части, где звери, оказавшись в яме, решают, кого надо съесть, употребляются характерные для речи П. Н. Коренной формы: «Воук-воучúшно» и «Петун-петунушно» [Там же, 10, 11]. Завершающий сказку сюжетный тип о пожирании собственных внутренностей с участием лисы и медведя в сборнике 1918 г. отличается более развернутым характером, ср.:

«Сказка про петуха и курицу» (1918) Бросились медведь и лиса на волка, разорвали его и стали есть. А лиса не столько ест, сколько волчьи кишки под себя прячет. Съели медведь и лиса волка и сидят. Долго сидели, голод медведя донимает, а лиса таскает из-под себя припрятанные волчьи кишки да ест. Медведь и спрашивает: — Лисушка, что ты ешь? — А я из брюха кишки таскаю да ем, — отвечает лиса. Надумал медведь то же сделать. Запихал лапу в брюхо, да вытащить и не может. Заревел медведь, больно ему, а лиса и рада. Долго медведь мучился, стал околевать. А лиса тем	«Петух и курица» (1926/1934) Рёзорвали медведь и лиса волка и стали есть. А лиса не ест. Долго сидели. Стало опять голодно, а лиса кисецки волчьи таскает и ест. — Что это у тебя, лисанька? — А я лапку в жопку пихаю, а с жопки кисецки вытягаю и ем. Медведь и вправду свои кисецки зацепил и помер. Осталась лиса одна. Видит сидит птичка-синичка. — Повыздынь меня, птичка. — А как я тебя повыздыну? — А понеси в яму прутышков. Наносила птичка в яму прутышков, да и была лиса такова [Карнаухова 2006, 71].
---	--

временем кишки доела. Напала она на хворо-го медведя и загрызла его. И сидит лисица в яме, ест медведя помаленьку. Доела медведя и думает, — как бы из ямы выбраться. Видит — сидит на ветке птичка. Просит лиса птичку: — Птичка-синичка, повыздынь меня! — А как я тебя повыздыну? — спрашивает птичка. — Наноси в яму прутьшков, я по ним и из ямы выберусь! Наносила птичка в яму прутьшков полную грудку, а лиса по ним из ямы выбралась, да и была такова [Коренной 1918, 11–12].	
--	--

Сказку, опубликованную П. О. Коренным, сопровождает «примечание и объяснение малоизвестных слов: *паны наехали* — анахронизм, отголосок времени нашествия в Олонию поляков — “панов” в Смутное время на Руси. *Паляют* — палят, стреляют; *повыздынь* — подними; *путьшки* — ветки древесины» [Коренной 1918, 12]. В словаре, составленном И. В. Карнаухова, учтены лишь слова

«пётун — петух, *повыздынуть* — вытащить, *стрёту* — навстречу» [Карнаухова 2006, 452, 453].

Помимо сказки о петухе и курице еще к десяти текстам, записанным И. В. Карнаухова в 1926 г. и опубликованным в 1934 г., удалось найти соответствия в сборнике П. О. Коренного; там нет лишь «Колобка».

1918	1926/1934
Глиняный парень (№ 1)	Глиняный парень (№ 26)
Лиса и волк (№ 2)	Лиса, волк и масло (№ 20)
Сказка про петуха и курицу (№ 3)	Петух и курица (№ 21)
Сказка про бабу и бычка (№ 4)	Сани (№ 24)
Сказка про старика и волка (№ 5)	Старик и волк (№ 23)
Потомбалка (№ 6)	Посулёно (№ 22)
Две кумушки (№ 7)	Кумушка (№ 30)
Два брата – покойники (№ 8)	Покойники-бёси (№ 31)
Катя (№ 9)	Про Катю (№ 29)
Мороз (№ 11)	Морозко (№ 28)
Сказка про старикову дочку, бабину дочку и мышку (№ 12)	Мишка да мышка (№ 27)
—	Колобок (№ 25)

Как видно из приведенных в таблице данных, у сказок, зафиксированных от исполнительницы в разное время, преимущественно похожие названия. Исключение составляет текст, заглавие которого отличается своеобразием: «Потомбалка» / «Посулёно». Эта сказка относится к редкому сюжетному типу — 161А* *Медведь и старуха*, который, согласно СУС, пред-

ставлен девятью опубликованными вариантами, два из них как раз и зафиксированы от П. Н. Коренной. Более подробно об этом сюжетном типе см.: [Лызлова 2023].

Началом сказок П. Н. Коренной, представленных в изданиях 1918 и 1934 гг., служит ситуация, в которой старуха отправляется в лес, где встречается с медведем.

«Потомбалка» (1918)	«Посулёно» (1926/1934)
Жила-была старуха. Поехала в лес за дровами. В болоте хряснуло, в ледине стукнуло: видит — идет медведь. — Бабка, съем у тебя кобылку! [Коренной 1918, 18].	Жила-была баушка. Поехала в лес по хворос. Вдруг слышит: в болоте хряснуло, в лядине стукнуло — медведь идё. — Бабка, бабка, съем я кобылку [Карнаухова 2006, 71].

Чтобы медведь не съел кобылку, бабка обещает ему дать теплушку, и тот уходит. В соответствии со сказочной обрядностью встречи повторяются еще дважды: старуха обещает медведю крепушку и потомбалку (у И. В. Карнауховой представлено ударение именно на этом слове). Медведь приходит за тем, что «посулёно», т. е. обещано, на его просьбу о теплушке бабка дает ответ: «О-хо-хо, тепло бабе на печке, на запечке, ножки в потолочке, на грядочке!» (1918) / «Ох-ох, тепло баушке на пёчушке, на запёчушке, ножки в полоточке, на грядочке» (1926/1934); о крепушке: «О-хо-хо! Крепки у бабы воротца, ды подперты!» (1918) / «Ох-хо-хо, крепки у бабушки воротца, да крепко подперты» (1926/1934); о потомбалке: «О-хо-хо! Потомбалка в лес не едет, ды дров не везет!» (1918) / «Ох-хо-хо, потомбалка в лес не едет, ды дров не везет» (1926/1934). Старуха обманывает медведя, а в необычных словах закодированы наречия «тепло», «крепко», «потом». И на этом сказка в сборнике И. В. Карнауховой заканчивается: «Так и оманула старуха медведя» [Карнаухова 2006, 72]. А текст в сборнике П. О. Коренного имеет продолжение: медведь пытается залезть в дом к старухе через трубу, но застревает там: «Разозлился он, да делать нечего. Пришло утро. Встала старуха, растопила печь и села напротив печи из кудели нити прясть. А медведь в это время влез на крышу и спустился в трубу: хочет по трубе в избу к старухе забраться. (В старину печи были черные, курные, трубы прямые, деревянные.) Застрял медведь в трубе и сбыть никак не может, только шерсть медвежья из трубы в избу торчит» [Коренной 1918, 19].

Непрошенный гость в конечном итоге погибает: «Вскочила старуха, выхватила из прялицы спицу железную, которой была «Так и затыкала старуха медведя, а как свалился он в избу, она схватила топор и совсем медведя доубила. Сшила с него старуха шкуру, да и нынче на этой медвежьей шкуре спит» [Там же, 20].

И. В. Карнаухова поясняет лишь единичные непонятные слова: «грядка — полка или воронец; курная изба — изба, топящаяся по-черному; лядина — низкое место, заросшее мелким лесом» [Карнаухова 2006, 449, 450, 451]. В то время как П. О. Коренной дает развернутое «объяснение малоизвестных слов и выражений: потомбалка — вероятно, от слова — *потом, после*, так же как и крепушка — от слова — *крепко*, теплушка — от слова — *тепло*; лядина — то же, что — *лядина*³; ды — иногда употребляется вместо слова *и*. Жители Заонежья зимой в морозные ночи иногда закрывают окна снаружи ставнями, т. е. деревянными щитами» [Коренной 1918, 20].

Сказка П. Н. Коренной «Лиса и волк» (1918) / «Лиса, волк и масло» (1926/1934) соотносится с сюжетным типом СУС 15 *Лиса-повитуха*, в нем «лиса и волк (медведь) хранят про запас мед (масло); лиса притворяется, будто ее зовут в повитухи, и съедает мед; она обвиняет волка и, чтобы доказать его вину, намазывает ему, спящему, брюхо медом, который будто бы из него вытопился» [СУС 1979, 54]. В вариантах текста, представленных в сборниках П. О. Коренного и И. В. Карнауховой, используется одинаковая сюжетная схема, но сказка, опубликованная в 1918 г., отличается более развернутым повествованием, ср. начало:

³ См. пояснение к «Сказке про бабу и бычка».

«Лиса и волк» (1918) Жили да были бывало лиса да волк. Жили они вдвоем в лесной избушке. Накопили они кадушку масла. Лежит раз волк на печи, а лиса прыдет из кудели нити. Захотелось лисе масла полизать: стучит она веретеном в скамейку: стук, стук, стук! «Колотят лапкой, зовут “бабкой” (т. е. бабкой повивальной). Идти ли, волкушко?». — «Поди, поди, лисушка, надо крещёных послушаться!» [Коренной 1918, 7].	«Лиса, волк и масло» (1926 / 1934) Жили-были волк с лисой. Была у них каду-сецка масла. Лежит лиса да лапкой стуцит. — Это что, лиса? — А колотят лапкой — зовут бабкой. — Иди, кума! [Карнаухова 2006, 68].
--	---

В варианте 1918 г. упоминается, что лиса занимается традиционным женским занятием — прядением — и стучит веретеном. Примечательно, что в статье И. В. Карнауховой, очевидно, имеется отсылка к похожей фразе из данной сказки: «Лиса стучит веретущечкой по кодушечке — стук, стук, стук» [Карнаухова 1927, 111], которая по какой-то причине не вошла в конечный опубликованный текст.

Лиса трижды обманывает волка и ходит в чулан/сени есть масло. При возвращении на вопрос волка об имени новорожденному в сказке, опубликованной И. В. Карнауховой, она отвечает: «Повёрхулизать», «Посерёдочкелизать», «Подóнушкулизать» [Карнаухова 2006,

68, 69]. Фольклорист М. Н. Власова, готовившая сборник к переизданию, в комментарии отмечает: «Ответы лисы в машинописном варианте сказки звучат немного иначе, нежели в опубликованном тексте: “А по верху лизеть” (вместо “А Поверхулизать”); “А по середочке лизеть” (вместо “А Посередочкелизать”); “А по донушку лизеть” (вместо “А Подонушкулизать”) [Карнаухова 2006, 522]. В сказке из сборника П. О. Коренного использованы наименования «Поверхулизец», «По середочке лизец», «По донышку лизец» [Коренной 1918, 7].

Завершаются сказки в двух изданиях по-разному, в 1918 г. используется более пространное повествование, ср.:

«Лиса и волк» (1918) Задумали лиса и волк блины печь. Говорит лиса: «Затопи, волк, печь». Растопил волк печь, а лиса приказывает: «Сходи в чулан, принеси кадушку с маслом!» Сходил волк в чулан, а там кадушка пустая, принес он пустую кадушку из-под масла и говорит: «Лисушка, да там и масла нет!» Напала лиса на волка: «Ах ты, клич бы ти в горло, возьми ты черт-то вот! Ты масло съел!» — «Ой, лисушка, нё я, нё я, нё я!» Божится волк, что не трогал масла. А лиса ругает: «Ложись супротив печи, окаянный, и я лягу, из кого масло потечет, тот и виноват!» Лег волк супротив топившейся печи, размо-рило его теплом, он и заснул. А лиса шмыг к кадушке, запустила в кадушку лапу да остат-ками масла и вымазала сонного волка. Разбу-дила она волка: «Встань, разбойник, ты масло съел, вишь, оно из тебя течет!» Вскочил волк, да спросонок не знает, что и делать. «Прости, лисушка, больше не буду!» — говорит он [Коренной 1918, 8].	«Лиса, волк и масло» (1926/1934) Вот волк захотел блины есть. Затопил печь. Пошел за маслом, а масла и нет. Волк говорит: — Ты, кума, съела? А она говорит: — Я и дома не была. — Ну, — говорит, — ляжем на печь. У кого масло стопится, тот и виновать... Лёгли, да волк и заснул. А лиса остатки мас-ла соскребла, да ему пузо и смазала. — Вставай, — говорит, — смотри, кто масло съел, черт остроносый! [Карнаухова 2006, 69].
--	---

После текста П. О. Коренной дает «объяснение малоизвестных слов: *клич ти в горло* — часто употребляющееся у заонежских крестьян ругательство; *ти* — тебе; *тя* — тебя; *вишь* — видишь» [Коренной 1918, 8]. В словаре, составленном И. В. Карнауховой, используется лишь слово «*бабить* — принимать детей» [Карнаухова 2006, 449].

Кумулятивная сказка «Глиняный парень», имеющая полное соответствие в названии в записях и публикациях 1918 и 1926/1934 гг., в СУС попадает в категорию «Разные дополнения к анекдотам», хотя в указателе Аарне — Андреева сюжетный тип причислен к волшебным сказкам (СУС 2028=АА 333*В *Глиняный Иванушка (Пыхтелка)*). Согласно указателю, краткое содержание таких текстов сводится к тому, что созданный из глины персонаж

«съедает веретено, девочку, мужиков, баб; его разбивают и всех вынимают живыми» [СУС 1979, 384]. По данным аналитического каталога фольклорно-мифологических мотивов, подобный сюжет (L110С. Глиняный ребенок: Пожилые супруги делают ребенка из глины (дерева, соломы, теста). Кукла оживает, последовательно съедает всех, кого видит. Обычно коза (баран) разбивает ее, проглоченные выходят живыми) представлен у чехов, русских, карачаевцев, латышей, восточных саамов, финнов, карелов, вепсов, мордвы, мари, башкир, коми [Березкин, Дувакин]. По замечанию И. В. Карнауховой, это «одна из самых распространенных сказок Заонежья» [Карнаухова 2006, 401].

Начало сказки в сборнике П. О. Коренного более развернутое, чем у И. В. Карнауховой, ср.:

«Глиняный парень» (1918)	«Глиняный парень» (1926/1934)
Жили-были старик да старуха. Старые они стали, а детей у них не было. Говорит раз старику старуха: «Старичок, робят у нас нету, а сделаем мы из глины парня, — бытто и сын будет!» Сделали они из глины парня и положили на печку сушиться. Высох парень и есть запросил: «Бабка, давай есть — молока кадушку, да хлеба мякушку!» Дала бабка парню поесть, съел он и еще просит: «Бабка, давай есть — молока кадушку да хлеба мякушку, а не дашь, так тебя съем!» Дала бабка снова поесть глиняному парню, а он съел и еще просит: «Бабка, давай есть — молока кадушку да хлеба мякушку, а не дашь, так съем тебя — бабку с прялкой и дедку с клюшкой!» А старик и старуха были люди бедные. Нечего было дать у бабки поесть глиняному парню. Вскочил парень с печки и съел бабку с прялкой, дедку с клюшкой» [Коренной 1918, 5].	Живало-бывало жил старик со старухой. Стары стали, а дитей нет. Старику старуха и говорит: — Старик, робят у нас нет, а сделаем мы из глины парня — бытто и сын будё. Сделали оны парня и положили на печьку сушица. Парень высох и есть хочца. — Дай, — говорит, — бабка, молока кадушечку, да хлеба мякусецку. [А он] ешшо просит (<i>и тое съел и ешо просит</i>). Ну, а у бабки нету. Он как выскоит с пецки и съел бабку с прялкой, да дедку с клюшкой [Карнаухова 2006, 76].

В последующем глиняный парень съедает всех, кто ему встречается на пути: попа с скуфьей, попадью с кужней, дроворубов с топорами, сенокосцев с косами, грабленец с граблями. В итоге «глиняного парня разбила коза. “И вышли на божий свет — бабка с прялкой, дедка с скалкой (так!), поп с скуфьей, попадьа с кужней, дроворубы с топорами, сенокосцы с косами, грабляницы с граблями. — Спаси-

бо тебе, коза-робоза, что ты нас распосла”» [Карнаухова 1927, 111]. Составитель сборника 1934 г. приводит этот пример, говоря о музыкальности сказок П. Н. Коренной: «...почти все они (сказки. — А. Л.) являются ритмической речью, обильно пересыпанной рифмованными фразами» [Там же]. Но цитата взята ею из сборника П. О. Коренного и передана с ошибками, ср.:

«Глиняный парень» (1918) И вышли на Божий свет – бабка с прялкой, дедка с клюшкой, поп с скуфьей, попадая с кужней, дроворубы с топорами, сенокосцы с косами, грабленицы с граблями. «Спасибо тебе, коза-робоза, что ты нас спасла!» [Коренной 1918, 6].	«Глиняный парень» (1926/1934) И вышли из брюха бабка с прялкой, дедка с клюшкой, поп с скуфьей, попадая с кужней, дроворубы с топорама, сенокосцы с косама, грабленицы с граблями [Карнаухова 2006, 76].
--	--

К тексту П. О. Коренной прилагает «объяснение малоизвестных слов: *клюшка* — клюка, палка; *кужня* — плетенная из бересты корзинка, в которой держат муку, лукошко» [Коренной 1918, 6]. В словаре, подготовленном И. В. Карнауховой, нет ни одного слова из этой сказки П. Н. Коренной. Головной убор священника (скуфья) не поясняется нигде.

Еще одна кумулятивная сказка исполнительницы объединяет два сюжетных типа: СУС 170 «За скалочку — гусочку» и СУС 158 *Звери в саях у старушки*. Эта контаминация принадлежит в русской сказочной традиции к числу наиболее популярных, что отмечено в [СУС 1979, 395]. Впервые встречается в «Сказке о лисе-обманнице» из сборника конца XVIII в. «Старая погудка на новый лад».

В издании П. О. Коренного она называется «Сказка про бабу и бычка», у И. В. Карнауховой — «Сани». В тексте баба постепенно выменивает лапоть на курицу, курицу — на гуся, гуся — на барашка, барашка — на бычка. Став хозяйкой бычка,

«раздобылась она дровнями, впрягла бычка в дровни, села на дровни, а сама рассуждает: “Шла баба путем, нашла баба лапоть: по лапоти — куре, по куряти — гусе, по гусяти — баран, по барани — бычок. Шлю-шлю, бычок, полевой хвостичок!”» [Коренной 1918, 14]. В варианте, опубликованном И. В. Карнауховой, этот фрагмент наглядно выделяется в виде песенной вставки: «Ну, пошла баба путем-дорогой. Запредила бычка в саноцки и поё:

Шла баба, нашла лапоть,
За лапоть куру,
За куру гуся,
За гуся барана,
За барана быченьку.
Шлю, шлю, бычок, полевой хвостичок!»
[Карнаухова 2006, 74].

К бабе присоединяются заяц, лиса, волк и медведь, из-за тяжести которых ломается оглобля. Завершается сказка снова по-разному: у П. О. Коренного представлен более расширенный вариант, ср.:

«Сказка про бабу и бычка» (1918) Баба сама из себя вышла: «Провалитесь вы скрозь землю! Никобей битухи из вас не будет!» Пошла баба в лядину сама. Пока баба ходила, да рубила, да вила вицу на завертку, тем временем медведь, волк и лиса содрали с бычка шкуру, мясо съели, а голову, шкуру, ноги и хвост укрепили на кольях так, что и не заметно, что был съеден, а сами убежали. Пришла баба, приладила завертку к оглобле и села на дровни. «Шлю-шлю, бычок, полевой хвостичок!». Хлыстнула бычка погонялкой, а тот весь и развалился [Коренной 1918, 15].	«Сани» (1926/1934) Пошла бабка сама в лядину. А медведь бычка сожрал, в шкуру моху напихал. И вси звери убежали. Пришла бабка, села на сани: Шлю, шлю, бычок... Хвостнула бычка, он и пал. И все тут [Карнаухова 2006, 75].
---	---

П. О. Коренной дает «объяснение малоизвестных слов и выражений: *с нима* — с ними; *всеуды* — всегда; *с бычкамы* — с бычками; *дровни* — сани без кузова, на которых возят дрова, навоз и т. п.; *лядина* — лесная чаща, состоящая не из особенно толстых деревьев; *скрозь* — сквозь; *никоей битухи* — никакого толку; *завертка* — свитая в кольца березовая вица, посредством которой прикрепляются к копыльям оглобли. *Сама из себя вышла* — рассердилась, расстроилась» [Коренной 1918, 15]. В словаре, составленном И. В. Карнаухова, встречаются «бáранка — барашек, вица — гибкий прут», а также ранее упоминаемые «леди-

на», «стрету» [Карнаухова 2006, 449, 451, 453].

Песенные вставки неоднократно используются в кумулятивной сказке о старике и волке, которая принадлежит к пространственному сюжетному типу СУС 163 *Пение волка (реже — медведя)*: «волк песней выманивает у старика животных (овцу, курочку, телку), пытается съесть старуху (выманить внучку)» [СУС 1979, 80]. Этот текст лишь незначительно отличается в изданиях 1918 и 1934 гг., а песня волка, открывающая сказку и повторяющаяся еще несколько раз в ходе повествования, совпадает почти дословно, ср.:

«Сказка про старика и волка» (1918)	«Старик и волк» (1926/1934)
Старик да старушка Жили на горушке В глиняной избушке. У старика, старушки. Была сивая кобыла, Была бурая коровка, Была серая овечка, С тремя ягнятками [Коренной 1918, 16].	Стáрик да старúшка Жили на горúшке В глиняной избúске. У стáрика-старúшки. Была сивая кобыла, Была бурая корова, Была серая овечка, Со тремя ягнятама [Карнаухова 2006, 72].

Потеряв всех животных, старик отправляет старуху в подполье/подпол, а сам садится в корзину, подвешенную к потолку. Волк, придя к избе, требует отдать старуху: «А старик сидит в корзине и молчит. Подождал волк, а потом зашел в избу. Старик как гаркнет — рыкнет, волк испугался и убежал да с тех пор и не приходил к стариковой хате» [Коренной 1918, 17] / «А старицок сидит в корзине и молчит. Волк зашел в избу, старик как гаркнет — волк и испугался — и побежал. Да и бóдэ ходить к стариковой хати» [Карнаухова 2006, 73].

В сборнике П. О. Коренного по традиции дается «объяснение малоизвестных слов: *рыкнет* — крикнет; *подполье* — пустое пространство под полом, где хранятся зимою овощи, в подполье из избы спускаются через особенно устроенный люк — рундук» [Коренной 1918, 17]. Составитель сборника дополняет текст примечанием: «Известны в печати варианты

этой сказки, но в них нет стихотворных частей или иное окончание» [Там же]. Подробно об этом сюжетном типе на территории Карелии, включая Заонежье, см. комментарий фольклориста Н. Ф. Онегиной [Сказки Заонежья 1986, 200].

П. Н. Коренная сообщила собирателям две волшебные сказки, относящиеся к разным версиям популярного сюжетного типа СУС 480 *Мачеха и падчерица*, которые можно обозначить как «Морозко» (одноименная сказка в сборнике И. В. Карнаухова / «Мороз» в книге П. О. Коренного) и «Прятки с медведем» («Сказка про старикову дочку, бабину дочку и мышку» (1918) / «Мишка да мышка» (1926/1934). Сказки о мачехе и падчерице ранее подробно изучены в работах исследователей, см.: [Мелетинский 1958; Лутовинова 1991; Смирнов-Кутаческий 2008; Строганов 2010; Добровольская 2019].

Комментируя сказку о медведе и мышке, И. В. Карнаухова отмечает, что в ней

«введен новый мотив о превращении грязи в еду и наоборот» [Карнаухова 2006, 401]. Впервые он появляется, когда ста-

рик отвозит дочь в лес, а мачеха снаряжает ее в дорогу, ср.:

«Сказка про старикову дочку, бабину дочку и мышку» (1918) Выпроводила мачиха падчерицу: дала ей с собой вместо муки пеплу, вместо сыру — песку, вместо масла — грязи. <...> Развернула она узел, где мачихины гостинцы были положены, а там вместо пеплу стала мука, вместо песку — сыр, а вместо грязи — масло» [Коренной 1918, 36].	«Мишка да мышка» (1926/1934) Баба ей короб пакости наклала, греди да песку, заместо питава-ёдива. <...> Девушка короб открыла да удивилась — цё-ле мачеха раздобрела, тут и масла, и крупы, и шанежек наложено. <i>(Эта из той греди да песку оцутилось)</i> [Карнаухова 2006, 76–77].
---	--

В сказке, опубликованной И. В. Карнауховой, события разворачиваются традиционно: девочка кормит кашей мышку, и та трижды помогает ей обыграть медведя, который сначала «ей полон короб серебра наклал», потом «полный угол золота наклал» и, наконец, «дал ей скатна земчуга⁴» [Карнаухова 2006, 77]. В варианте из сборника П. О. Коренного в прятки приходится играть с чертом, который в награду дает «много-премного серебра», «много-премного золота», «много-премного скатна жемчуга» [Коренной 1918, 38].

Мачеха после возвращения падчерицы отправляет в лес свою дочь, в сказ-

ках снова появляется мотив теперь уже обратного превращения продуктов в несъедобные вещества: «<...> посадила баба свою дочь на дровни, а с собой ей положила муки, сыру и масла. <...> Развязала девушка узел, а там вместо муки стал пепел, вместо сыру – песок, а вместо масла грязь» [Коренной 1918, 38] / «Надовала ей полон короб шанежек да маслица. <...> Смотрит девка в короб, одна гредь да песок» [Карнаухова 2006, 78].

Эпизод игры в прятки чуть подробнее описан в варианте, записанном в 1926 г. и опубликованном в 1934 г., ср.:

«Сказка про старикову дочку, бабину дочку и мышку» (1918) Завязала она черту глаза и побежала. А он ее сразу и поймал. Снял с нее черт кужарину и повесил на улицу на грядочку; саму ее съел, оставил одне косточки [Коренной 1918, 38].	«Мишка да мышка» (1926/1934) Завязала ему девка глаза, да и ну бежать. Она в угол — и он в угол, она на лавку — и он на лавку. По малом времени поймал, кожарину снял, на грядку повесил, сам всю съел, коски обглодал [Карнаухова 2006, 78].
--	---

Завершение сказки в более развернутом виде представлено в сборнике

П. О. Коренного, где за родной дочерью в лес едет мать, ср.:

«Сказка про старикову дочку, бабину дочку и мышку» (1918) Через три дня приехала баба в лесовой станок за дочкой. <...> Приехала — семо чудо, семо диво, дочерня кужарина на грядочке висит; пришла в станок, а там лежат дочерни косточки.	«Мишка да мышка» (1926/1934) Поехал старик за девкой, коски одни в мешок склал, а собацка: — Тяв-тяв-тяв! Дедова доци вся в золоти, бабина доци — коски в мешки.
---	--

⁴ *Скатный земчуг (жемчуг)* — круглый, ровный жемчуг, скатывающийся.

Поплакала, поплакала баба, собрала косточки в мешок и поехала домой. А собачка лает: «Тяв, тяв, тяв! Дедова дочи, Вся в золоти, Бабиной дочи Кости в мешки!» [Коренной 1918, 39].	Выскоцила баба, увидела коски, да ну выть [Карнаухова 2006, 78].
---	---

П. О. Коренной предлагает «объяснение малоизвестных слов: *сыр* — так называю́т в Заонежье сушеный творог; *лесовой станок* — избушка в лесу, где зимой стануют рабочие по рубке и вывозке леса; *кужарина* — кожа; *грядочка* — жердочка для просушки одежды и т. п.; *се́мо чудо*, *се́мо диво* — так выражается сильное удивление говорящего; в *золоти*, *кости*, в *мешки* — употреблено вместо в золоте, ко́сти, в мешке, для сохранения рифмы» [Коренной 1918, 39]. Составитель сборника дает также примечание: «В старину, за отсутствием сносных путей сообщения и летом ездили на дровнях или на волоках» [Там же]. У И. В. Карнауховой в словаре поясняются слова «грэ́зи — грязи, е́диво — еда, кожа́рина — кожа, ша́нежки — ватрушки, налитые картошкой или кашей», а также упоминаемая ранее «грядка» [Карнаухова 2006, 449, 450, 453].

Сказка П. Н. Коренной «Мороз» / «Морозко» полностью соответствует традиционной сюжетной схеме, где падчерица выдерживает испытание холодом, а родная дочь мачехи — нет. Вариант, опубликованный в сборнике 1918 г., более развернутый, в нем упоминаются многие заонежские реалии, которые составитель поясняет: «*гумно* — гумном в Заонежье называется холодное помещение рядом с ригой, для обмолотки хлеба; *костыч* — нечто в роде сарафана — старинная одежда девушек; *одевальница* — одеяло из овчин; *животы* — добро, одежда; *калит* — то же что — ругает» [Коренной 1918, 35]. И. В. Карнаухова приводит пример рифмованной фразы из этой сказки: «Девушка уговаривает Морозко: “Не щелкай, Мороз, да не трескай, Мороз, я гола-боса, да без пояса”» [Карнаухова

1927, 111]. Причем в публикации самой И. В. Карнауховой используется несколько другая форма: «Не трещи, Мороз, да не скрепи́, Мороз, а боса́, гола́ да без по́яса» [Карнаухова 2006, 78, 79]. А вот в сборнике П. О. Коренного употребляется глагол «треска́ть»: «Ты не трескай, не трескай, мороз! Я гола, боса, ды без пояса» [Коренной 1918, 34].

Еще три сказки П. Н. Коренной, представленные в изданиях 1918 и 1934 гг., сближаются с быличками: «Две кумушки» / «Кумушка» (соотносится с СУС 366* *Отрубленный у умершей палец*), «Катя» / «Про Катю» (СУС 365 *Жених-мертвец*), «Два брата – покойники» / «Покойники-беси» (СУС –365D* *Бес в образе мужа является к женщине*). И. В. Карнаухова дает чрезвычайно подробный комментарий к сказке «Про Катю», говоря, что текст «уже не принадлежит к рбящей сказке. Коренная передает ее в плане бывальщины» [Карнаухова 2006, 401–402]. Не менее обширные примечания предлагает и П. О. Коренной: «Сказка “Катя” весьма интересна тем, что по своей основе напоминает балладу немецкого поэта Бюргера “Ленора”, переведенную и переделанную Жуковским в балладу “Людмила”» [Коренной 1918, 28]. Все три былички проанализированы М. Н. Власовой в переиздании сборника [Карнаухова 2006, 523–524].

Итак, тексты, представленные на страницах сборника П. О. Коренного, являются первой публикацией сказок его матери, о чем сообщила фольклорист И. В. Карнаухова, встретившаяся с П. Н. Коренной спустя несколько лет. Они незначительно, но отличаются от вариантов, зафиксированных и опублико-

ванных И. В. Карнаухова, и демонстрируют более развернутые повествования, возможно, обусловленные определенной редакторской правкой учителя П. О. Коренного, самого являвшегося носителем заонежской фольклорной традиции и, очевидно, стремившегося улучшить художественную сторону сказок. В текстах, опубликованных в 1918 г., содержится та же диалектная лексика, что и в повторной фиксации 1926 г. В сказках, собранных и изданных И. В. Карнаухова, находит

Источники и материалы

Карнаухова 2006 — *Карнаухова И. В.* Сказки и предания Северного края. СПб.: Тропа Троянова, 2006.

Карнаухова 1927 — *Карнаухова И. В.* Сказочники и сказка в Заонежье // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. Заонежье. Вып. 1. Л.: Academia, 1927. С. 104–120.

Коренной 1918 — *Коренной П. О.* Заонежские сказки. Петрозаводск: Типогр. Олонецкого губ. отдела нар. образования, 1918.

Сказки Заонежья 1986 — Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск: Карелия, 1986.

СУС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979.

Исследования

Березкин, Дувакин — *Березкин Ю. Е., Дувакин Д. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 25.05.2025).

Добровольская 2019 — *Добровольская В. Е.* Русские сказки сюжетного типа СУС 480 («Мачеха и падчерица») в репертуаре Русского Севера // Рябининские чтения–2019: Матер. VIII конф. по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Кар. научный центр РАН, 2019. С. 370–372.

отражение цоканье исполнительницы (см. примеры выше), которое не передает сборник П. О. Коренного. В то же время в словаре, составленном И. В. Карнаухова, даются пояснения к гораздо меньшему количеству малопонятных слов, чем это представлено у сына П. Н. Коренной, где используются более подробные изложения. Обе книги важны для исследования значимого для фольклористов явления, связанного с разновременными записями, сделанными от одного исполнителя.

Курец 2008 — Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия) / Изд. подгот. Т. С. Курец. Петрозаводск: Кар. научный центр РАН, 2008.

Лутовинова 1991 — *Лутовинова Е. И.* Русские сказки о мачехе и падчерице: (Опыт описания и классификации): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

Лызлова 2023 — *Лызлова А. С.* «Потомбалка»: Русские сказки Карелии о старухе и медведе // Жизнь животных в зеркальных отражениях: литература — культура — язык. М.: Об-во с ограниченной ответственностью «Книгодел», 2023. С. 51–61.

Мелетинский 1958 — *Мелетинский Е. М.* Образ гонимой падчерицы в волшебной сказке // Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: Происхождение образа. М.; СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. С. 136–179.

Смирнов-Кутаческий 2008 — *Смирнов-Кутаческий А. М.* Из истории народной сказки. Народная сказка о мачехе и падчерице // А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: Матер. и иссл. Тверь: Марина, 2008. С. 54–126.

Строганов 2010 — *Строганов М. В.* Сказки о мачехе и падчерице. Русская версия // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков: Матер. конф. М.: РГГУ, 2010. С. 100–124.

© А. С. Лызлова, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лызлова А. С. <https://orcid.org/0000-0002-0634-706X>

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории — обособленного подразделения федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук»: Российская Федерация, Республика Карелия, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; тел.: +7 (8142) 78-18-86; e-mail: alyzlova@mail.ru

The Zaonezh'e Fairy Tale Repertoire of P. N. Korennaya in Two Editions by P. O. Korennoi and I. V. Karnaukhova

Anastasia S. Lyzlova

(Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences: 11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Summary. In the first quarter of the twentieth century, the first collection of fairy tales dedicated to the folklore of Zaonezh'e appeared in Petrozavodsk. *Zaonezh'e Folktales* (*Zaonezh'skie skazki*, 1918) was compiled by the teacher P. O. Korennoi, based on texts performed by P. N. Korennaya, his mother. There is no information about this in the publication itself, but direct testimony comes from the edition of the fairy tales Korennaya recited in 1926, recorded by the folklorist I. V. Karnaukhova and published in the collection *Fairy Tales and Legends of the Northern Region* in 1934. Karnaukhova sharply criticized the editing of the 1918 collection, which she asserted had minimal scholarly value. We have been able to find correspondences between eleven texts in *Fairy Tales and Legends* and those in *Zaonezh'e Folktales* and offer a corrective to Karnaukhova's overly critical position. The 1918 collection still has a certain scientific value, since it is devoted to the repertoire of a single performer who recited mainly cumulative tales aimed at a children's audience. The article presents a textual comparison of variants from the two collections that also has some interest as an example of repeated performances made by one bearer of the folklore tradition.

Key words: *Zaonezh'e*, folk fairy tales, P. N. Korennaya, P. O. Korennoi, I. V. Karnaukhova, repeated recording.

Acknowledgements. The study was supported by the federal budget for the implementation of the state assignment of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (project No. 124022000077-1).

Received: May 23, 2025.

Date of publication: September 25, 2025.

For citation: Lyzlova A. S. The *Zaonezh'e* Fairy Tale Repertoire of P. N. Korennaya in Two Editions by P. O. Korennoi and I. V. Karnaukhova. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 3. Pp. 71–85. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.3.009>

References

Berezkin Yu. E., Duvakin D. N. Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog [Thematic Classification and Distribution of Folklore and Mythological Motifs by Areas. An Analytical Catalog]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (access date: 05.25.2025). In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2019) Russkie skazki syuzhetnogo tipa SUS 480 («Machekha i padcheritsa») v repertuare Russkogo Severa [Russian Fairy Tales of the Plot Type CIP 480 ("Stepmother and Stepdaughter") in the Repertoire of the Russian North]. In: Ryabininskii chteniya-2019: Mater. VIII konf. po izucheniyu i aktualizatsii traditsionnoi kul'tury Russkogo Severa [Ryabinin Readings, 2019: Proceedings

of the VIII Conf. on the Study and Actualization of the Traditional Culture of the Russian North]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN. Pp. 370–372. In Russian.

Kurets T. S. (2008) Ispolniteli fol'klornykh proizvedenii (Zaonezh'e. Kareliya) [Performers of Folklore Works (Zaonezh'e. Karelia)]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN. In Russian.

Lutovinova E. I. (1991) Russkie skazki o machekhe i padcheritse: (Opyt opisaniya i klassifikatsii) [Russian Fairy Tales about a Stepmother and Stepdaughter (An Attempt at Description and Classification)]. Abstr. of Cand. Philol. Sciences Diss. Moscow. In Russian.

Lyzlova A. S. (2023) «Potombalka»: russkie skazki Karelii o starukhe i medvede [“Potombalka”: Russian Fairy Tales of Karelia about an Old Woman

and a Bear]. In: Zhizn' zhivotnykh v zerkal'nykh otrazheniyakh: literatura — kul'tura — yazyk [Life of Animals in Mirror Reflections: Literature — Culture — Language]. Moscow: Obshch-vo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Knigodel». Pp. 51–61. In Russian.

Meletinsky E. M. (2005) *Obraz gonimoi padcheritsy v volshebnoi skazke* [The Image of the Persecuted Stepdaughter in a Fairy Tale]. In: Meletinsky E. M. *Geroi volshebnoi skazki: Proiskhozhdenie obraza* [The Hero of the Fairy Tale: The Origin of an Image]. Moscow-St. Petersburg: Akademiya Issledovaniy Kul'tury, Traditsiya. Pp. 136–179. In Russian.

Smirnov-Kutacheskyy A. M. (2008) *Iz istorii narodnoi skazki. Narodnaya skazka o machekhe i padcheritse* [From the History of Folk Tales. The

Tale about a Stepmother and Stepdaughter]. In: A. M. Smirnov-Kutacheskii: *Lichnost' i nauchnoe nasledie: Materialy i issledovanie* [A. M. Smirnov-Kutacheskyy: Personality and Scholarly Heritage: Materials and Research]. Tver': Marina. Pp. 54–126. In Russian.

Stroganov M. V. (2010) *Skazki o machekhe i padcheritse. Russkaya versiya* [Fairy Tales about a Stepmother and Stepdaughter. The Russian Version]. In: *Konstrukty natsional'noi identichnosti v russkoi kul'ture XVIII–XIX vekov: Mater. Konf. [Constructs of National Identity in Russian Culture of the Eighteenth-Nineteenth Centuries: Conf. Mater.]*. Moscow: RGGU. Pp. 100–124. In Russian.

© A. S. Lyzlova, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia S. Lyzlova <https://orcid.org/0000-0002-0634-706X>

E-mail: alylzlova@mail.ru

Tel.: +7 (814) 278-44-96

11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)